

УДК 81'367

*Е.О. Бобровская,
аспирант кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ*

МИСТИФИКАЦИЯ КАК ПОПЫТКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПОЗИЦИИ (СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Современная действительность ставит перед человеком проблемы, которые появляются в результате столкновения мировоззрений двух поколений. Эти обстоятельства порождают изменчивость культурных стереотипов, гендерных ожиданий, трансформацию института семьи. Многие исследователи говорят об одиночестве современного человека и вместе с тем о возрастающей значимости семьи, на которую в любые времена возлагаются большие надежды и ответственность, особенно в переломные моменты социального развития. «Семья по-прежнему – важнейший институт общества, его первичная ячейка, в которой мужчины и женщины выполняют социальные роли, предписываемые им культурой. Вопреки ожиданиям, на рубеже веков роль семьи как ячейки общества, которая удовлетворяет важные человеческие потребности, не только не уменьшилась, а, наоборот, возросла. Во всем мире, включая постсоветское общество, семья – самая главная жизненная ценность и для мужчин, и для женщин» [1, с. 61].

Процесс феминистского движения способствовал женской эмансипации, в результате чего, с одной стороны, возникла необходимость перераспределения социальных обязанностей в сфере семейной жизни, так как «выполняемые мужчинами и женщинами семейные функции не остаются неизменными» [1, с. 61], кроме того, «представления о материнстве и отцовстве стали вариативными» [1, с. 61]. С другой стороны, до конца не разрешенная противоречивость взглядов конкретного человека на проблему гендерной самоидентификации диктует необходимость определения ведущих тенденций формирования гендерной идентичности. Как указывает Л.Г. Титаренко, «эксперты ООН разработали новую модель семейных отношений. Мужчины должны быть больше втянуты в домашние дела, вынуждены считаться с мнением жены в процессе принятия семейных решений, принимать большее участие в воспитании детей» [1, с. 63–64], «однако по-прежнему существуют и патриархальные семьи, и нравы в семье, далеко не все мужчины готовы принять на себя новые функции и роли в браке, так что

можно сказать, что борьба между патриархатом и феминизмом продолжается, будучи сконцентрированной внутри семьи, дома» [1, с. 64]. Модель семейных отношений, предложенная ООН, на наш взгляд, не может полностью соответствовать потребностям каждого конкретного общества, так как она определяется национально-культурной спецификой развития государства, а также потребностью общества в реализации гендерных ожиданий, являющихся результатом перераспределения гендерных ролей, проявляющихся, прежде всего, на уровне языкового сознания. Следовательно, необходимо определить, какой вариант разделения семейных обязанностей наиболее приемлем для каждого конкретного государства сообразно социально-политическим тенденциям его развития. Для решения поставленных задач необходимо, в первую очередь, определиться в современном лингвистическом наполнении гендерных оппозиций, благодаря чему предоставляется возможность раскрытия и последовательного описания всех структурных элементов мужских и женских позиций в языкознании на современном этапе. Лингвистическая проекция социальных структур предоставляет языковое знание о них, на чем, в свою очередь, строится социальное познание изменений в межличностных отношениях в XXI в., благодаря чему институт семьи может обрести утраченный фундамент. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье ориентирован на укрепление данной ячейки общества, в связи с чем одним из приоритетных считаются вопросы равенства супругов. Мы ставили перед собой задачу – определить реально существующие и желательные гендерные позиции для последующей их корректировки. Мистификация в произведениях современной литературы в любом виде способствует осознанию предпочтительных позиций. Фантастика романа конца XX – начала XXI в. авторов-мужчин содержит описание желаемых стереотипов, а авторов-женщин – отражение осмысления героями реально существующих позиций. Это воссоздание существующего положения вещей.

Коммуникативная функция – одна из основных функций языка. Таким образом, исследу-

дования, в центре которых находится гендер, должны способствовать налаживанию контакта, «диалога» между современными мужчинами и женщинами, вести к взаимопониманию. Социологи отмечают, что одной из больших проблем современности становится одиночество. Поэтому «в качестве объединительного начала могут выступать идеи, образ жизни и язык» [2, с. 65].

Язык современного романа – это богатый материал для исследования гендерного кода на синтаксическом уровне, что предоставляет возможность проследить, как трансформировалась лингвистическая репрезентация мужской и женской роли. Мы исследуем реалии, зафиксированные в тексте, изучаем языковые средства их выражения, на основе чего интерпретируем и прогнозируем дальнейшие преобразования языкового кода. Следовательно, данная статья посвящена анализу грамматического выражения мистических реалий, отражению в лингвистике предпочитаемых мужских и женских позиций.

В современном русском романе нами определены основные тенденции функционирования вымысла. Авторы-мужчины тяготеют ко включению в свои произведения фантастической реальности как попытки трансформировать реально существующие роли мужчин и женщин, отобразить предпочитаемые позиции посредством мистики. Авторы-женщины, напротив, стремятся репрезентировать осмысление героем окружающей его действительности, преломление реального через восприятие героя.

Реальная жизнь и мистика при отображении поведения мужчин находятся в контрарном взаимодействии. Например, пассивная и усиленно пассивная реальная мужская позиция контрастирует с активностью его сверхъестественных возможностей. Рассмотрим это на конкретном примере: *Он вообще не умел драться. За всю свою жизнь он даже не мог припомнить ни одного повода для драки!* (В. Кунин «Птичка»). Общеотрицательные предложения и усиленная модальность невозможности рисуют картину увеличения статичности: отсутствие возможности, отраженное как абсолютное, благодаря обстоятельству неограниченности во времени, и отсутствие возможности осуществления даже единичного действия, выраженного глаголом смягчительного способа действия с оттенком неполноты. Даже в профессиональной деятельности герой проявляет бездействие (усиленная пассивность, отраженная общеотрицательным предложением с усилительной частицей и глаголом общерезультативного способа дей-

ствия, указывающего на стойкое отсутствие результата): *И все-таки Юра нашел работу. В одном частном издательстве. Корректор. Вычитывал уже набранные тексты, исправляя опечатки, грамматические ошибки авторов и наборщиков шариковой ручкой – компьютер он так и не освоил* (В. Кунин «Птичка»). Мужчина не намерен расставаться с пассивностью даже при появлении дополнительных возможностей, только любимая женщина заставляет его активизироваться, а сама, хоть и не обладает паранормальными способностями, во всех сферах предстает как действенная натура: – *Мы же выяснили, достаточно тебе крикнуть: «Юрочка-а-а!» – и я взлечу... тихо сказал он, пугливо поглядывая вниз. – А если тебе нужно будет срочно взлететь, а меня не окажется рядом? <...> И зачем это мне нужно будет срочно взлетать? Я вообще не хочу летать!.. <...> А если я не смогу полететь и повисну на этой веревке...<...> Ты же одна никогда не сможешь меня вытащить. – Смогу! Я тебя ждала всю жизнь... с детства...* (В. Кунин «Птичка»). Субъективная модальность нежелательности и субъективная неприобретенная модальность невозможности, характеризующие поведение героя и его восприятие героини как статичной, контрастируют с субъективной неприобретенной модальностью возможности, отражающей реальную действенность женской позиции. В данном примере, кроме того, значение приобретает видовое обыгрывание инфинитива, которое отражает обобщенную и единичную статичность героя, и в противовес ему динамику героини как разовую, так и постоянную.

Характеризуя состояние героя – способность летать, автор акцентирует ключевые моменты его поведения с помощью нагнетания отрицательных конструкций: *Тут Юрий Васильевич вдруг почувствовал дикую усталость. И странное, обессиливающее недомогание. Он никогда не произносил речи, не выступал с трибун перед массами. В конце концов, он никогда раньше не летал! И никогда никогда в жизни так не любил, как Лизу... Ему даже показалось, что от всего этого навала, от переутомления у него сейчас просто остановится сердце. <...> и Лизе потом придется долго объяснять всяческим служивым людям, откуда у нее в квартире труп <...> Этого он допустить не мог!* (В. Кунин «Птичка»). Цепочка общеотрицательных предложений с глаголами статального способа действия, рисующими ситуацию постоянной пассивности, завершается усилением статичности, выраженной глаголом сос-

тояния с усилительной частицей. Затем финальный переход к актуализации (активизации) сердца как части физического тела, и в результате – окончательная модальность невозможности, утверждающая общую статичность.

Процесс трансформации завершается активизацией бездействия мужского поведения, с одной стороны, и динамизма женского – с другой. Складываются контрарные отношения между логико-синтаксическими единицами, составляющими гендерный код: утвердительность – усиленная аффирмативность: *...шли и думали почти об одном и том же. Лиза – о том, что когда-нибудь, но обязательно, обязательно сюда вернется... В своем возвращении Юра совсем не был уверен* (В. Кунин «Птичка»). Обстоятельство совсем усиливает финальную статичность.

Таким образом, сверхъестественные способности не меняют реального поведения мужчины, хотя иногда возможна частичная или разовая, эпизодичная его активизация, а для женщины приобретение таких способностей является просто внешней атрибутикой, существенно не влияющей на феминную действительность, которая предельно обширна и без сверхчеловеческих возможностей. Кроме того, следует отметить, что дар, которым наделен главный герой, в большинстве случаев ему неподвластен: *Так что же такое произошло сегодня, если он не смог, не сумел подчиниться разумному, в общем, требованию взрослых и не сумел заставить себя «быть как все»? Что заставило вспыхнуть внутреннюю энергию, что вынудило его скрытые резервы дать знать о себе? Что, что?!* (О. Рой «Обещание нежности»). В данном примере общеотрицательное предложение с троекратным повтором модального значения невозможности, реализуемого глаголом общерезультативного способа действия с семьей окончательного отсутствия самореализации, отражает усиленную пассивность героя, хотя впоследствии и предпринимается попытка активного действия в быту благодаря дару: *Сейчас ему не хотелось разговаривать как никогда прежде. Он должен был все обдумать* (О. Рой «Обещание нежности»). Значение нежелательности сменяется модальностью необходимости без последующей реализации желаемого, так как дар живет сам по себе, отдельной жизнью и имеет собственные потребности: *Человек без имени, как уже часто случалось с ним прежде, вовсе не хотел этого и ничуть не собирался растворяться в неизвестном прошлом столь же неизвестных ему людей. Но в словах Вари, в ее*

безумном решении было что-то настолько бессмысленно-жестокое, что его дар вопреки этому и помимо его воли увлек его за собой в темные глубины чужих мыслей и чужих чувств (О. Рой «Обещание нежности»). В данном отрывке усиленное отрицание характеризует статичность главного героя, а утвердительное – динамизм его сверхвозможностей.

Окружающие видят зависимое, подчиненное положение героя по отношению к его собственному дару в другом ракурсе. Они оценивают его ведущую позицию как пассивную, отождествляя человека с его сверхъестественными способностями, рассматривая их как одно целое: *Не пользуется ведь этот дурень своими возможностями! Ничего про меня не вызнает, не вынюхивает... не пытается подчинить меня, сделать своим рабом или союзником. Послушно работает сторожем за гроши, сидит взаперти целыми днями, даже не пробует распрямить плечи, взять свое. А ведь мог-то бы!* (О. Рой «Обещание нежности»). Глагольное действие со значением многократности с финальным увеличением статичности создает иллюзию постоянного пассива. Желательное наклонение в последнем предложении отражает нереализованные возможности героя.

Мы уже отмечали тенденцию динамизма женского поведения. Иногда активность приводит к осознанному принятию главной героиней «правил игры», предложенной возлюбленным. Такое положение диктует статичность в процессе межличностного общения. Активность женской позиции трансформируется в «ложную» пассивность: *Когда-то, безумно влюбленная, она ждала от Игоря пылких эмоций, мечтала о совместной жизни, грезила о вечной страстной любви и взаимной верности. Он никогда не бывал с ней резок, никогда грубо не отвергал ее идилических намеков и сентиментальных девичьих разговоров. Но однажды, в Крыму...* (О. Рой «Амальгама счастья»). И далее: *– Давай поженимся. – Она прошептала это так тихо, что на долю секунды сама поверила в то, что ничего не было сказано. <...> – Неверная жена мне не нужна, а верная надоест в два счета. <...> Даша тогда послушно засмеялась в ответ, но сердце быстро, униженно забило и – казалось – едва не остановилось* (О. Рой «Амальгама счастья»). Постепенно динамичность поведения героини слабеет: первоначально бездействовать начинают части тела, олицетворяющие героиню (в первую очередь – сердце), а затем уже и

сама девушка. Процесс преобразования стиля поведения отражен при помощи общеотрицательных предложений с глаголами различных способов действия. Усиление градации реализовано благодаря трансформации действия от длительно-ограничительного, с временным пределом, оставляющим действительность в прошлом, к начинательному с совмещенным значением многократности бездействия. Таким образом, отражение пассивности предстает как закономерность: *А потом вдруг все кончилось. То есть Игорь был, и Даша была, но ничего стоящего с ними уже не происходило. Даша уже не заговаривала о будущем* (О. Рой «Амальгама счастья»).

Принятие на себя несвойственной роли – статичности – в конечном итоге провоцирует уход героини в мистическую реальность, приводит к тому, что стремление активизации реализуется в потустороннем мире, в зазеркалье: *– Но я хочу понять. <...> Помоги мне, прошу тебя. Я так хочу быть с тобой!* (О. Рой «Амальгама счастья»). Динамичность героини отражена усиливающейся модальностью желательности, а действительность предстает с позиции довлеющей статичности, не дающей даже призрачной возможности реализации предпочитаемой позиции (выражено общеотрицательным предложением): *Неужели ничего надежного не осталось в ее мире?* (О. Рой «Амальгама счастья»).

В результате исследования современных романов удалось установить, что авторы-мужчины оказываются более лояльными и снисходительными к современной женской позиции, являющейся трансформацией убеждений прошлого, нежели авторы-женщины, которые нередко корень всех бед видят в актуализации для женщины значимости карьерного роста, профессиональной реализации, в связи с чем возможность счастливого финала довольно призрачна. Благодаря проведенным исследованиям можно с уверенностью сказать, что зачастую только появление мистических существ или вещей, проявление сверхъестественных способностей дают непродолжительную возможность активизации героя, в лучшем случае, в худшем – не дают вовсе, например: *...перед всеми своими подругами Леонид испытывал некоторую неловкость оттого, что не может дать им чувств, которых они жаждут и, чаще всего, заслуживают* (О. Рой «Амальгама счастья»). Обобщенная статичность по отношению ко всем женщинам выражена субъективной неприобременной модальностью невозможности с глаголами инхоативного способа действия и завершающим цепочку действий однонаправ-

ленным глаголом, совершенный вид которого указывает на отсутствие результата. При развитии отношений с возлюбленной наблюдается усиление пассивности героя: *Ему казалось, что именно тогда, на дне рождения, он и влюбился – прямо так, с первого взгляда, подкупленный этим сочетанием взрослости и непосредственности. Но Ксения потом уверяла, что ничего подобного. По ее мнению, это как раз она «запала» на него, а он-де сначала никакого внимания на нее не обращал, пока она сама не проявила инициативу. И отчасти эти слова были правдой. Встреч с эрудированной рыжей певуньей он не искал, номер телефона в тот вечер не взял и даже провожать не пошел, поскольку она, как обычно, была с братом* (О. Рой «Амальгама счастья»). Таким образом, вероятность проявления динамичности мужского поведения хотя бы на решающих этапах взаимоотношений для поддержания иллюзии активности (ведь женщины, ориентируясь на прошлое, стремятся увидеть именно такой стиль поведения) становится эпизодичной.

Введение в повествование фантастических предметов и существ, обращение к мифологическим героям способствуют смешению реальности и ирреальности на смысловом уровне, их своеобразному смещению: *Арон действительно говорил много. Он постоянно что-то рассказывал. Иногда это были истории из его жизни или из жизни его родственников и знакомых, но Игорю гораздо больше нравились всевозможные легенды и сказания. Выдуманные герои всегда казались мудрее ничтожного реального существа. Они могли противостоять судьбе, могли бороться со злом и выходить из этой борьбы победителями. Они правильно жили, красиво любили и достойно умирали* (О. Рой «Обещание нежности»). В данном отрывке главный герой ощущает, что только мифологические существа имеют возможность действовать (субъективная неприобременная модальность возможности), в отличие от него – реального человека. Просматривается желание стать выдуманным персонажем.

Фантастика в произведениях авторов-женщин отражает представления героев, их видение и восприятие реальной действительности. Так, например, герой Д. Рубиной сочинил сказку, в которой обрисовал свою жизненную ситуацию, отражая реальные гендерные позиции: *Как хорошо, что они вернулись домой, пусть искалеченные, израненные, но, слава богу, живые. А она, между прочим, замуж вышла... За Эндрию, торговца свинными*

колбасами. Да... Рыцарство – прекрасная вещь, и слава тоже, но **жить-то надо**... Рыцарю Без Страху стало страшно, а Рыцарь Без Упрека упрекнул себя в глупости. Но они ей ничего **не сказали**. Одно слово – Рыцари! (Д. Рубина «Чужие подьезды»). Модальность долженствования реализуется дамой в полной мере, а пассивность рыцарей, выраженная общеотрицательным предложением, описывается как необходимое свойство, постоянно присущее их поведению. Совершенно другой случай – бредовое состояние женщины, описываемое автором-мужчиной (отражение желательного): **Вот ее несут куда-то. Как хочется спать!** Почему она была на полу, она упала? Игорь рядом, но почему-то с ним страшно. Он так странно на нее смотрит. Он хочет на ней жениться? Но ведь раньше он никогда не говорил этого. Даша рада, правда рада, только **нужно сказать** Вере Николаевне. Игорь понравится ей, Даша знает (О. Рой «Амальгама счастья»). Стремление к активности выявляет модальность желательности и необходимости. Параллельно разворачиваются события в реальной действительности, в которой поведение героини статично, что отражено повтором глагола инхоативного способа действия со значением невозможности: Он был рядом с ней на диване, он целовал и уговаривал ее: «Ты моя... Я хочу на тебе жениться... Все будет хорошо...», а ее трясло как в лихорадке, и, кажется, она правда была больна. Даша **не могла говорить, не могла думать, от нее сохранились только боль и слезы, и не было никого во всем мире, кто мог бы сейчас утешить и пожалеть ее** (О. Рой «Амальгама счастья»).

Таким образом, грамматические категории могут стать основой смысло- и текстообразования. Глубинный смысл текста иногда противоречит поверхностному восприятию содержания произведений. Гендерный код заключает в себе кладезь информации, жизненно необходимой на данном этапе развития общества.

Привлечение фантастической реальности доказало непринятие векторной направленности бинарных оппозиций, сохранявшихся на протяжении многих веков. Следовательно, мы прогнозируем, что начавшаяся трансформация закономерно приведет к устойчивому формированию нового мужского и женского поведения, полярного их поведению в прошлом, включая практически весь XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титаренко, Л.Г. Гендерная социология / Л.Г. Титаренко. – Минск: БГУ, 2003. – 152 с.
2. Балли, Ш. Язык и жизнь: пер. с фр. / Ш. Балли; вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.

SUMMARY

The article presents new gender roles in linguistic description. This article deals with the linguistic content of contemporary gender oppositions, allowing the opportunity to consistently describe all the structural elements of men's and women's position in linguistics at the present. Science fiction writers of the modern novel, draws men to display the desired stereotypes, and female writers - to fix the interpretation of the characters actually existing positions. This is a reflection of the status quo. Attracting a fantastic reality proved the failure of vector orientation of binary oppositions.

Поступила в редакцию 27.02.2012 г.

УДК 81'374:811.161.3

Т.Л. Памазенка,
аспірант кафедры беларускага мовазнаўства БДПУ

ЛЕКСІКА З ТЭРМІНАЛАГІЧНЫМ ЗНАЧЭННЕМ У «СЛОЎНІКУ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ» І.І. НАСОВІЧА

«Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча [1] у айчынным мовазнаўстве традыцыйна лічыцца самай фундаментальнай лексікаграфічнай працай XIX ст., якая не страціла сваёй актуальнасці і значнасці ў наш час, паколькі ў ёй удала падагульнены і істотна пашыраны ўсе папярэднія набыткі лексікаграфічнай навукі на Беларусі. Сведчанне таму – шматлікія публікацыі пра слоўнік у роз-

ных выданнях XX – пачатку XXI ст. (М. Абабуркі, М. Байкова, М. Булахава, І. Гапоненкі, М. Гуліцкага, Г. Далідовіча, А. Жураўскага, Я. Камароўскага, І. Крамко, А. Крывіцкага, І. Лепешава, П. Міхайлава, М. Прыгодзіча, М. Судніка, І. Цішчанкі, Л. Шакуна, В. Шчэрбіна і інш.).

«Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча апублікаваны ў 1870 г. у Санкт-Пецярбургу і адзначаны палавіннай Дзямідаўскай прэміяй.